

**Запись школы общины с Хулианом Карроном
Милан, 21 июня 2017 г.**

Текст: Х. Каррон. Радуется сердце мое, ибо Ты живешь, Христе. Введение

- *Amare ancora*
- *Give me Jesus*

Слава...

Veni Sancte Spiritus

«Насколько же горько, любовь моя, видеть вещи, как вижу их я» (С. Chieffo, M. Neri. *Amare ancora // Canti*. Milano: Società Coop. Ed. Nuovo Mondo, 2014. P. 213). Так порой случается, когда мы умаляем жизнь, сводим реальность к тому, что нам удастся в ней разглядеть. И напротив, какое облегчение – признавать каждое утро, что «достаточно вновь стать как дети и вспомнить, что все дано». Верно то, о чем мы вспоминали на упражнениях: если мы недвижны, реальность давит на нас, накрывает нас, подобно свинцовому куполу. Так начинается формализм: если наша свобода бездействует, начинается формализм. Об этом говорилось в письме, которое я цитировал во введении: «Мало чисто механически ответить согласием на приглашение [приехать на упражнения], чтобы жизнь возродилась. <...> Жизнь прекрасна, потому что каждый день в ней есть возможность отношения с Тайной, и все способно стать вызовом, помогающим открыть это отношение и получить что-то для себя».

Какой опыт этого пережил каждый из нас? Драма разворачивается именно на этом уровне, о чем пишет мне один человек, который не смог приехать, поскольку живет очень далеко: «Мне кажется, я добрался до узлового момента моего существования, до неотложного, решающего перехода. Думаю, это заслуга вызовов, которые ты бросил нам на упражнениях Братства (а я пока перечитал только введение!). Все замечания (и давние беспокойства отца Джуссани), на которые ты обращаешь наше внимание, более чем точны. Я очевидным образом рискую впасть в формализм и морализм. Более того, я, возможно, до сих пор отказываюсь признаться самому себе: моя вера формальна (она существует параллельно жизни), моя жизнь по сути полна морализма (в ней есть вещи, которые нельзя делать или, напротив, нельзя не делать, это касается и таких важных инициатив, как продуктовый сбор и сбор лекарств, каритатива, общий фонд, упражнения, школа общины). Но тест, все тот же беспощадный тест на радость убивает меня: радости нет! А есть непростые отношения, полные претензий и эгоизма. Я так больше не могу. Я бы хотел (вот оно, желание!) быть радостным, пусть даже со слезами на глазах, в унижении, в страдании, в испытаниях, в непредвиденных событиях. [Формализма недостаточно]. Но вместо этого я часто замечаю, что погряз в рутине, даже когда она, если можно так сказать, необременительна. В общем, полный кошмар. Христос действительно обособлен от моего сердца, хотя я не раз отрицал это и хотел бы противоположного. Спасение не может не интересоваться меня, но я всегда думаю о нем [будьте внимательны] так, как я себе его представляю. И после стольких лет в Движении я не могу поверить, что до такой степени ограничил сам себя [мы можем быть здесь, участвовать во всем и оставаться ограниченными.] У меня не получается действовать иначе. Часто мне хочется все бросить – ведь обратиться я не в состоянии. Но тогда мое существование свелось бы к моей доброй воле (и я бы по-прежнему ставил в центр себя, а не Другого), подкрепляемой уверенностью (опять же основанной на моих мнимых способностях) в том, что человек я “хороший”, прилагающий множество усилий и тратящий немало энергии ради других людей, которые то и дело просят меня о помощи, а также не слишком злоупотребляющий дурными привычками, что в конце концов не так уж плохо! Но радость всегда где-то в другом месте. А компания? Ну да, компания. Мне не кажется, что вокруг меня огромное количество людей готово разодрать на себе одежды, чтобы помочь мне, понять меня, поддержать меня. Кроме того, они судят обо мне и тем самым способствуют моей изоляции. Между одной школой общины и другой никто не позвонит, не предложит встретиться. В лучшем случае я получаю сообщения

с какими-нибудь дурацкими анекдотами или едкими ссылками. Может, та компания, которую я знаю и вижу, подобно мне полна формализма и морализма? Как из всего этого выбраться? [Вопрос сформулирован, и тут тоже срабатывает придуманная нами модель.] Вот только не надо говорить мне, что беспокойство, которое я испытываю, – благо. Я этого вообще не понимаю. Не надо мне говорить, что мой (порой возникающий) крик или все мои жалобы “идут на пользу”, что Христос ждет меня и в них, что все, чем я живу, совершенно точно для меня! Я понимаю все это с формальной, но не с экзистенциальной точки зрения [вот в чем проблема: даже такое признание оказывается чистой формальностью] Мое сердце обособлено, оно страдает, и я не знаю, что делать. Свобода (а значит, и путь)! Столько времени прошло, а я все еще в исходной точке. И возраст (взросление) тут не помогает. Даже наоборот. Каково тогда мое задание на лето?»

Мне кажется, многие из нас часто могут узнать себя в этом описании, и именно изнутри такой ситуации мы можем по-настоящему вновь открыть для себя смысл слов отца Джуссани: «Если любое действие нашего Движения не порождает в самой глубине конкретных дел нашей жизни призыв к памятованию о Христе, то нет в нем никакой ценности». Можно делать что угодно и думать, будто, делая, мы достигнем радости. Можно быть аккуратными и точными в наших делах, но не воспринимать их как призыв к памятованию о Христе. Но в таком случае наши действия не только не имеют ценности, «а даже хуже, [я цитирую этот отрывок не с целью самоистязания, но чтобы утешить и разобраться, что же с нами порой происходит] в таком случае они усугубляют положение человека, поскольку благоприятствуют формализму и морализму. Тогда событие между нами – событие, которое мы должны трепетно хранить во взгляде и в сердце как критерий нашего поведения в отношении друг друга – свелось бы к социальному убежищу, к общественной позиции». Он сравнивает наши действия с некой обязанностью, с оплатой пошлины. Если все наши дела не становятся своеобразным криком, отсылающим нас к памятованию о Христе, ничто не сможет удовлетворить нас. Почему? Потому что не наши действия приносят нам радость, пусть даже мы их и выполняем, как и все остальные люди.

Где мы обретаем радость? Вот первый вопрос, которым мы должны задаться летом. В каких ситуациях я замечаю, что радостен, откуда рождается моя радость, в чем источник моего спасения, где я нахожу его? Слова мы все уже знаем, но, если они остаются формальностью, мы не понимаем их экзистенциального значения. Бесплезно разьяснять, что такое «радость» или «спасение», необходимо открыть их смысл в нашей жизни. Где мы находим радость? Как я замечаю, что в один прекрасный момент случается что-то и я ощущаю в себе радостный трепет, трепет спасения? Не найдя ответов, мы просто продолжим повторять пустые слова. Об этом говорится в другом письме: «Я делаю все, однако мне этого недостаточно». Но это нормально, что тебе недостаточно! Если твои дела не ведут тебя к памяти о Христе, их всегда будет мало. В таком случае мы рискуем свести наше участие в этом месте, в Движении, до простого делания. Перечитайте введение, там есть цитаты Джуссани где он все точнее образом описывает наши умаления. Возможно, это поможет нам понять, откуда в нас возникает формализм, хотя мы и выполняем все то, что нам советуют. Мы можем забыть о истоках и цели наших дел. И это видно по тому, как трудно – говорится в письме – становится признавать Христа. Мы уже не в состоянии заметить Его в нашей жизни. «И мне часто кажется, будто я сам себе Его придумываю. Но как возможно, чтобы так сложно было признавать Христа – смысл всех вещей?» Это не сложно, достаточно просто вспомнить многочисленные ситуации, в которых мы признали Его присутствие. Это совсем не сложно, а очень и очень просто. Нужно лишь не сводить Его к нашим представлениям о Нем, к придуманной нами модели, и быть внимательными к происходящему. Фарисеи видели Иисуса перед собой и не признавали Его. Так же часто случается и в нашей жизни: Он находится перед нами, но часто мы не признаем Его, поскольку форма Его присутствия не соответствует нашим представлениям. Что же облегчает для нас это признание? Когда Христос являет Себя, что позволяет мне признать Его? Мы должны оставить эти вопросы открытыми на протяжении всего лета.

Мой вопрос появился после весьма оживленного ужина с моей группой Братства, темой которого стали школьные результаты наших детей, полученные в тот же вечер, разочарование

некоторых из нас, потому что мы ждали другого, потому что у кого-то обнаружились долги и нас не поставили в известность раньше. Все это были вполне справедливые вещи, рождавшиеся из желания блага для нас и наших детей, однако оставалось как бы последнее разочарование, чуть заметное замешательство от того, что реальность ставила перед нами, от долгов, от несправедливости. Нам словно не хватало терпения и мы не вполне доверяли тому, что именно таким, возможно, несколько ограниченным способом, Иисус помогал нам и нашим детям вырасти. Во введении есть такое утверждение: «Со Христом можно встречать лицом к лицу любую ситуацию, в какой бы мы ни оказались. Именно в этом и состоит проверка. Наша вера не обречена на кристаллизацию и сухость, однако, чтобы совершить такую проверку, требуется наша свобода. Мы должны решить, на какой мы стороне. Можно стоять на стороне гроба или же на стороне Иисуса. У каждого из нас уже есть маленький гроб, какая-то омертвевшая часть сердца: рана, ущерб, нанесенный нам или нами, обида, не оставляющая в покое. <...> Услышим же слова Иисуса, сказанные Лазарю, словно они обращены к каждому из нас: “Иди вон!”». Часто я замечаю: можно говорить, что ты на стороне Иисуса, но при этом в глубине тебя остается формализм, не дурной, а просто не признанный, и он не позволяет нам стать достаточно свободными, чтобы терпеливо ждать этап за этапом (а они не сменяются сию же минуту), чтобы приносить высшую жертву доверия, то есть уверенности в Другом. Мне бы очень помогло, если бы ты лучше раскрыл тему проверки и пребывания на стороне Иисуса.

А в чем заключается этот последний формализм, где ты его ощутила?

Мы говорим, что находимся на стороне Иисуса, все мы с этим соглашаемся, но лишь до тех пор, пока Иисус смотрит на вещи так же, как я.

Получается, в Иисусе нет никакой инаковости, Он совпадает с нашими мыслями о Нем, с нашей моделью, как говорилось в письме. В результате мы не сталкиваемся с чем-то отличным от нас, а когда все-таки сталкиваемся, то не признаем Его, поскольку ничего не ждем, мы уже решили, что Иисус не может проникнуть в те или иные наши ограничения, войти в наше разочарование. Мы сами заранее определяем, куда может или не может прийти Иисус и как Он доходит до нашей жизни. Говоря о последнем формализме, ты имеешь в виду именно это: мы уже решили, что Бог, если Он умен, должен бы согласиться на наши задумки и подчиниться нашим мыслям. Однако мысли Бога отличаются от наших мыслей. И как часто мы с удивлением замечали, что Он достиг нас совершенно невообразимым способом. Вот почему единственный выход – открытость во всем, что происходит (даже если планы на лето оказываются под угрозой из-за школьных долгов детей). Непредвиденные, неожиданные события могут стать для нас возможностью. Но если мы не переживаем такие ситуации, сохраняя открытость и веру в то, что Он может прийти к нам в рамках всех этих обстоятельств, в конечном итоге мы исключаем Бога из реальности, поскольку принимаем лишь то, что сами решили. Отец Джуссани, как мы читали в книге «Зачем Церковь», говорит, что единственный выход – приучать себя к правильной позиции, пробуждать в себе религиозное чувство, чтобы быть внимательными к тем намекам, посредством которых Тайна идет нам навстречу. Но часто нам не хватает терпения, не хватает готовности следовать за этими намеками Тайны, и мы отворачиваемся от нее. Поэтому проверка состоит в том, чтобы попробовать открыться тому непредсказуемому способу, каким Он выходит нам навстречу. Это и есть переворот метода, о котором мы говорили на школе общины. Мы воображаем, строим планы, решаем все сами. Так поступают умные люди. Но есть и другой путь – путь нищего. Можно стать нищим и ждать, подобно нищему, подобно ребенку, ждать, как придет Христос. «Первый метод больше поощряет человека умного, образованного... второй же – человека бедного, обыкновенного. Столкновение с присутствующим человеком является простой очевидностью и для ребенка, и для взрослого. Согласно динамике откровения этой гипотезы внимание прежде всего заостряется не на гениальности и предприимчивости, а на простоте и любви» (Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. С. 40). Это единственный способ признать Его – принимать то, как Христу угодно достичь нас. Отсюда в нас рождается и терпение, как мы видели, когда цитировали Мунье: «Из земли, из основательности неизбежно происходят роды, полные радости, рождается терпеливое ощущение возрастающего дела, этапов, следующих

один за другим и ожидаемых в терпении и доверии [Другому]. Необходимо страдать, чтобы истина не выкристаллизовалась в доктрину», чтобы она не оставалась только в теории, но и присутствовала на экзистенциальном уровне, в опыте. Повторяю, это возможно, только когда мы открыты.

Как действует Тайна? Еще одна наша подруга, которая не смогла приехать, пишет: «Я пережила несколько ужасных месяцев, сильную влюбленность в неподходящего человека, глубочайшую рану. Я ощущала потребность во взгляде, полном бесконечной любви ко мне, но отождествила спасение с взглядом того человека и чувствовала себя неправильной. Я решила, что только благодаря тому человеку могу быть радостной. [«Я решила»: видите, как мы устанавливаем, в чем наше спасение, каков спасительный метод.] Самое ужасное состояло в том, что отсутствие его взгляда неизбежно приводило к суждению обо мне самой, о том, что я недостаточно хороша, что я ничего не стою. Я чувствовала себя ничтожеством. [Когда человек занимает неправильную позицию, он тут же начинает усложнять себе жизнь, и все смещается в сторону того, что не спасло бы нас, даже достигни мы этого. Но вдруг случается непредвиденное.] Для меня стала очень важной встреча с подругой, с которой я не разделяю повседневную жизнь, но которая оказалась для меня незыблемой опорой: ее присутствие, ее история буквально позволяли мне дышать, ее взгляд дал мне испытать невероятную нежность к самой себе. [Человек представляет себе, как должны происходить события, но потом замечает, что происходят они совершенно иначе]. Она смотрела на меня, слушала меня, и перед ней я вновь признавала саму себя, чувствовала себя более самой собой, чувствовала себя более истинной. И я говорила: “Именно этого я и желаю. Я желаю ощущать этот взгляд, его новизну, я сама хочу смотреть так!”» Спасение приходит таким образом, и если мы не готовы к подобному потрясению, то продолжаем заниматься нашими делами и идем на все, кроме того, чтобы сместиться с нашей позиции. А что происходит в обратном случае? Из чего видно, что спасение пришло в наш дом? Письмо продолжается: «Я уже не могу играть на понижение и учусь спрашивать саму себя, чего я желаю, учусь по-настоящему просить, чтобы Он указал мне путь – и это очень сложно, поскольку тут требуется серьезность в отношении собственной жизни». Мы видим, что спасение достигает нас, поскольку наше «я» начинает всерьез относиться к жизни. Только так истина не выкристаллизовывается в доктрину. «В чем же заключается изменение?» – интересуется наша подруга. Оно заключается, во-первых, в том, что ты сталкиваешься с кем-то, например с другом, кто смотрит на тебя так, что ты становишься самим собой («она смотрела на меня, и я признавала саму себя, становилась в большей степени самой собой»). Это первое потрясение – чистая благодать. «В определенный момент я стала ощущать себя в большей степени самой собой». Во-вторых, спасение можно принимать или не принимать, признавать или нет. Не я решаю, каким будет первое потрясение, первое столкновение, но, когда оно уже произошло, я могу признать или не признать его. Смотрите, как все просто: нужно признать его, когда оно происходит. В-третьих, в чем состоит изменение: признав происходящее, я могу последовать за ним. Последовать за тем, как Христос вышел тебе навстречу (например, через подругу). И что, в-четвертых, порождает это желание следовать? Желание не играть на понижение, всерьез принимать мою жизнь и быть главными героями нашего существования, желание, которое рождается, потому что Он непрестанно пробуждает нас. Это то, о чем говорил нам Джуссани, что мы так часто повторяли и к чему вернемся в первой лекции: человеческое основание обновляется, «я» вновь пробуждается, человек становится по-настоящему нищим и начать осознавать, какова его подлинная природа, его подлинная нужда. Но, как утверждает еще один из вас, вместо того, чтобы воспринимать этот голод, эту жажду, это осознание нужды как первый признак спасения, мы думаем, что тем, кто алчет и жаждет, не повезло в жизни. Понимаете? Поразительно! Если события не соответствуют нашим мыслям, все представляется сплошным невезением.

Несколько дней назад я достигла, скажем так, точки невозврата. Не случилось ничего серьезного, даже наоборот. Просто жизнь в своем нормальном течении ставит меня перед сложным испытанием. Я все делаю, берусь за прекрасные вещи, погружаюсь в них, ищу себе занятия, ищу друзей, переживаю прекрасные моменты с моей дочерью. Однако вечером, ложась спать, я спрашиваю себя: что сегодня произошло? Стала ли я жить счастливее? И часто мой

ответ – нет, более того: мне кажется, что день прошло закончился, прошел, еще один день из жизни, еще один шаг навстречу старости. Порой именно так я и думаю. Ни в чем прекрасном нет смысла, если нет того, что делает мгновение полноценным. Все становится тяжким и печальным. И когда так случается, я не нахожу никакого способа выбраться из этого положения, я опускаюсь все ниже. Иногда я даже спрашиваю себя, нет ли у меня какой-то проблемы, которая не позволяет мне быть по-настоящему довольной. В этот раз, читая упражнения, я узнала себя в той части, где говорится о психологии гроба. Однако, чтобы вновь встать на ноги, недостаточно признать это, недостаточно сказать, что я хочу позволить Иисусу войти в мою жизнь. Я могу думать, что хочу быть счастливой, но при этом порой я все равно печальна, склонна к меланхолии и вместо того, чтобы замечать прекрасное в жизни, чувствую ее груз на себе и часто задаюсь вопросом о том, ради чего живу.

Я просила и прошу о помощи, поскольку мне доводилось жить насыщено, и поэтому я знаю, что можно смотреть в лицо своим затруднениям, что моя печаль позволяет мне входить в отношение с другими людьми. Однако в глубине души я по-прежнему думаю, будто это зависит от меня, будто это я, делая или не делая что-то, в состоянии дать себе счастье, поставить себя в условия, в которых я могу быть счастливой. Но счастливые люди, которых я вижу, – это люди, живущие отношением, образующим и определяющим их. И им не страшно: возможно, они страдают, но не сдаются.

Я вижу вокруг себя множество ярких примеров и свидетельств, которые часто поражают меня, но иногда и злят, поскольку я спрашиваю себя, как возможно, что случаются все эти грандиозные вещи, а мне при этом так сложно жить моей повседневной жизнью.

Мне недостаточно компании: она помогает вновь возвращаться в правильную позицию, однако я нуждаюсь в том, чтобы изменилось что-то в моем сознании. Мне нужна помощь, я несколько устала в этой борьбе. Моя жизнь кажется мне чередой падений, после которых я раз за разом поднимаюсь, однако при этом не укрепляется мое отношение с Тайной. Знаешь, мне даже стыдно говорить о Христе, настолько далекой от Него я ощущаю себя.

Слава Богу, что Он тебя не стыдится! Как по-твоему, что означает это изменение сознания?

Мне как будто всегда нужен кто-то другой, кто напоминал бы мне... ты часто говоришь нам, что мы делаем ставку на самодостаточность, но когда я нахожусь перед моей дочерью и она смотрит на меня, я должна быть уверена в моем отношении со Христом, и не то чтобы каждый раз в такие моменты кто-то приходит и говорит мне правильные слова. В связи с этим я и прошу о помощи, поскольку я слеую, пытаюсь следовать, но порой словно вновь впадаю в эту печаль.

Что ты понимаешь под самодостаточностью? Противоположность самодостаточности – понимание того, что ты не разрешишь проблему своими силами, да и не должна разрешать. Рост твоего сознания означает рост сознания о твоей подлинной нужде. Чем лучше человек отдает себе отчет в природе своей нужды, тем больше понимает, что самодостаточность – наибольшая глупость, какую только можно представить. Чем яснее я вижу, как безмерно мое желание, тем очевидней, что я не в состоянии исполнить его сам. Как это связано с изменением менталитета? Кто дает тебе это желание полноты? Кто дает тебе твою печаль? Кто дает тебе неудовлетворенность? О чем говорит все это? Что ты больше всего бы то ни было и что единственное отношение способно ответить на все это – отношение с Другим, осуществление которого ты видишь в ком-то. Вопрос в том, осознаешь ли ты всякий раз, когда тебе кажется, что ты в плену у этих ощущений, осознаешь ли ты, что твоя подлинная нужда, рост твоего сознания зависят от этого отношения. Ты видишь это в твоей дочери. Когда ты заботаешься о твоей дочери, когда находишься рядом с ней, о чем она тебе говорит? Что вся она – отношение с тобой. Вся она – отношение с тобой. И это ничего общего не имеет с самодостаточностью. Если кто и не самодостаточен, так это твоя дочь. Она прекрасно знает, что нуждается в тебе. И если ты последуешь за тем, о чем свидетельствует тебе твоя дочь или другие люди, то осознаешь свою нужду в Другом. Понаблюдай, что ты видишь в них, потому что Тайна ставит их перед тобой, чтобы у тебя возник вопрос: почему эти люди, у которых такие же проблемы, как и у меня, почему

они так живут? Тайна дает их тебе, чтобы ты осознала, что ответ существует. И она ставит их перед тобой, а не читает тебе лекции о том, что есть ответ, она ставит перед тобой кого-то, в ком ты видишь воплощение ответа. И это вызов твоему недоверию. Смотри, смотри, наблюдай за тем, что происходит в них. Потому что, как говорит Джуссани, следование предполагает, что для тебя происходит тот же опыт, какой ты видишь в другом. Так ты сможешь начать путь изменения сознания, который позволяет тебе жить реальностью и быть радостной. И тебе уже не надо будет, чтобы кто-то был с тобой и говорил тебе правильные слова. Иногда рядом никого нет, не будешь же ты ждать, пока кто-нибудь появится! У тебя есть определенные жизненные обстоятельства, как у тех, кто переезжает по работе в другое место, кто вынужден отвечать на любые непредвиденные повороты жизни и так далее. Вопрос в том, начинаем ли мы во всех этих обстоятельствах говорить «я» с сознанием, что мы являемся отношением с Другим. Вот что такое изменение сознания. Ты его видишь, тебе о нем свидетельствует твоя дочь. Попробуй посмотреть, как этим летом вырастет в тебе такое сознание и что происходит в тебе, когда оно растет.

Три года назад произошло одно событие, оставившее на мне глубокий отпечаток. С тех пор прошло много времени, а в прошлом году я встретила Движение, которое изменило мою жизнь и вновь пробудило во мне вопрос о смысле того, что случилось со мной, и окружило меня людьми, в компании которых я могу идти дальше. Это был год, полный новизны и открытий. Каждый день сопровождался огромным воодушевлением, связанным прежде всего с исключительным соответствием тому, что, как я всегда догадывалась, было моей извечной потребностью. Я говорю о серьезном отношении к собственному сердцу. Однако сейчас, не буду скрывать, мне очень тяжело. Я замечая, какая это ответственность – продолжать задавать сердцу вопросы, как больно признавать, что в глубине я и сегодня не знаю то, чего всегда не хватает моему сердцу. Недостаточно дать имя этой нехватке, которую я открываю в себе, недостаточно даже сказать, что через нее Христос являет Себя в моей жизни. Это мне еще нужно проверить. Пожалуй, это самое ценное из случившегося за последний год: я не была избавлена от боли, мое одиночество никуда не делось, но появилось предположение о смысле моей жизни, которое необходимо постоянно обновлять, чтобы оно продолжало быть, чтобы во мне рождалось желание каждый день познавать истину вещей. Но я не очень хорошо понимаю тебя, когда ты говоришь, что нужно страдать, чтобы истина не выкристаллизовалась в доктрину, чтобы Христос не остался лишь примером нравственных ценностей, но облекался в плоть. Что в действительности значит прирастать ко Христу в свете страдания, которое я ношу в сердце? Мне казалось, что я встретила Его, а теперь как будто нужно все начинать сначала. Папа сказал, что необходимо жить памятью, но я не знаю, что он имеет в виду, поскольку воспоминание о дне, в который я встретила Господа, не возвращает мне полноту того мгновения, и даже лица друзей, очаровавших меня и убедивших следовать за ними, не дают мне той полноты, о которой я прошу и которую бесконечно желаю. Как можно вновь обрести ее? Когда ее нет, значит ли это, что она не была дана? Есть одна вещь, которая, как я заметила, изменилась в сравнении с прошлым годом. Меня удивила честность, с которой я продолжаю искать ответ. Хотя в последнее время ничто, кажется, меня не воодушевляет, как в самом начале, утешительно замечать, что если я искренна, то не могу послать все куда подальше: я настолько привязана к этой возможности смысла моей жизни, моей истории, что мне просто необходимо продолжать спрашивать о причинах и видеть, как они проявляются в настоящем. Только так я могу сказать, что это имеет ко мне отношение в данный момент, что это для меня и что мне по-прежнему стоит возвращаться к этому смыслу, чтобы вновь дышать свободно.

Так что из сказанного тобой, на твой взгляд, ценнее всего? Ты сказала: «Пожалуй, самое ценное из случившегося за последний год – это предположение о смысле моей жизни, которое необходимо постоянно обновлять». Когда Джуссани, цитируя Мунье, говорит, что Христос должен родиться от плоти, он имеет в виду, что ты видишь, как в твоей плоти рождается это желание обновлять, заново открывать предположение о смысле, которого ты раньше не знала. «Есть одна вещь, которая, как я заметила, изменилась... Меня удивила честность, с которой я продолжаю искать ответ». Это и есть признак роста твоего «я», и ты уже не можешь стать такой, какой была раньше:

«Если я искренна, то не могу послать все куда подальше. Я настолько привязана к этой возможности смысла моей жизни, моей истории, что мне просто необходимо продолжать спрашивать о причинах». Видишь, это желание уже проникает в твою плоть. Вопрос в том, хочешь ли ты довериться тому, что с тобой случилось, хочешь ли последовать за желанием вновь и вновь открывать смысл, чтобы продолжать расти, как ты росла до сих пор. Если нет, ты будешь зависеть от преходящих чувств, от душевных состояний. Когда тебе нравится какой-то поэт, одно дело – просто читать какое-нибудь стихотворение, другое – сказать, что ты должна выучить его наизусть. Учить сложнее, чем просто слышать, но, поскольку ты хочешь его выучить, повторять его, пока идешь по улице, помнить его, ведь оно так тебе нравится, в тебе рождается желание выучить его, чтобы оно стало твоим. Так вот, ты замечаешь это в себе, замечаешь честность, с которой продолжаешь искать изменение в себе, и, если последуешь за ним, вырастешь, увидишь, как то, что с тобой случилось, что позволяет твоей личности проявиться, продолжает происходить в тебе. В противном случае, как мы говорили все это время после упражнений, ничто не станет твоим и все будет зависеть от тех или иных обстоятельств. Хотелось бы тебе, чтобы пережитые тобой моменты невероятного соответствия стали твоими? В этом весь вопрос. А твоими они станут только в том случае, если ты, последуешь за тем, что Христос породил в тебе, за тем «я», которое начало проявляться. Если мы не следуем, события, происходящие с нами, никогда не станут нашими. Спасибо.

Меня всегда поражает пример об отношении матери и ребенка, который ты часто приводишь. Я много раз перечитала один из твоих ответов на последней школе общины. Прочитирю отрывок: «Все, что кажется нам возражением, может перерасти в разговор с Тем, Кто творит нас (я же перефразирую это так: все становится разговором с Тем, Кто творит нас).

Все становится разговором с Тем, Кто творит нас. Не делами, которые мы должны делать, нет, все наши дела становятся разговором с Тем, Кто творит нас, как это происходит с вашими детьми: все для них становится разговором с вами. Все, что они делают – диалог с вами.

«Сделать это на самом деле очень просто. Это делают все ваши дети».

Вы постоянно это видите дома!

«Проблемы и память, – продолжал ты, – не находятся по разные стороны жизни. Что делают ваши дети, когда они просыпаются по утрам и им одиноко? Плачут, кричат, ищут. Они ничего больше и не могут делать, как только искать. То есть их желание увидеть лицо мамы рождается не откуда-то извне, а из самого их нутра. Все просто». Для меня нет. Меня поражает, насколько тут все ясно как божий день, насколько все просто, но... и насколько же сложно!

Почему? В чем сложность?

В том, что ты говоришь, есть математическая логика, это настолько естественно и настолько соответствует желанию моего сердца, что я прямо-таки не могу понять, почему не оказывается столь же просто применить содержание твоих слов к реальности!

Причина в одном элементарном отличии: для ребенка это проще простого, но если мы не стараемся всегда поддерживать живой детскую естественность, в определенный момент мы ее утрачиваем. Посмотрев на линию жизни, на то, что происходит с любопытством ребенка, мы поймем, что оно вдруг начинает сходиться на нет. Оно растет с того момента, как он рождается из чрева матери, но потом, к старости, приходит в упадок. То же самое случается и с работой, то же самое случается и в отношениях. Все приходит в упадок. Что же нужно? То, о чем мы пели в начале сегодняшнего вечера: «Достаточно вновь стать как дети и вспомнить...»

Действительно, в песне я уже услышала ответ!

Я понимаю, что ты имеешь в виду, когда говоришь, как это сложно. Сложно, когда мы не поддерживаем в нас открытость перед реальностью, свойственную твоим детям, и открытость эта не становится нашей по мере взросления. Нет ничего проще, чем найти любопытного ребенка, и как же тяжело найти такого же взрослого. Все наши беды от этого. Нам сложно, поскольку мы утратили эту детскую нищету. Это напрямую связано с содержанием первой лекции упражнений, к которой мы сейчас приступим. Мы ведь читаем ее не потому, что нам нечем больше заняться, а чтобы нам проще было признать Его, как для ребенка. Можно читать первую лекцию, не помня об этом и думая, будто уже прекрасно знаем, что сначала идет религиозное чувство, потом Христос и так далее. Но опыт Христа еще не будет нашим, как ты говоришь. Для ребенка нет ничего проще, да и для нас должно было быть просто, будь этот опыт плодом воспитания, результатом проделанной работы, внимания, пути, по которому мы шли. Но нам непросто. Понимаешь, в чем трудность? Так в чем же заключается задание на лето, о котором говорилось в первом письме? Нужно осознать это. Мы будем читать в течение лета первую лекцию, чтобы помочь друг другу признавать Его с той же легкостью, с какой ребенок признает присутствие матери. А иначе мы не заметим спасение, находящееся прямо перед нами, не распознаем его, как дети распознают лицо матери, когда просыпаются по утрам. Понятно?

Да.

Так что же делать? Нужно работать над этим. Ясно?

Вполне.

Я множество раз уже говорил и без проблем повторю еще раз: моя жизнь была спасена, когда я согласился, что мне еще нужно научиться тому, что, как я думал, я уже знал. Если мы не соглашаемся, потому что «все уже знаем», в определенный момент нам надоедает слышать слова, которые мы уже знаем или думаем, что знаем. На самом же деле мы никогда настоящего и не пытаемся их выучить.

Эти месяцы оказались для меня трудными и проникнутыми одним моим вопросом, который стал очень настойчивым и был вызван тем, как тяжело складывалась моя повседневная жизнь, вопросом, который волновал и приводил в трепет мое сердце, когда я спрашивала у Иисуса: «Где ты? Яви мне, пожалуйста, Твой лик. Я хочу пережить опыт Тебя!»

Как ребенок спрашивает: «Где ты, мама?» Бог дает нам людей, в которых этот вопрос становится основой поведения. Начинается день, и человек по-детски спрашивает: «Где Ты? Приди».

Из этого вопроса на уровне внезапной реакции родился поиск, благодаря которому я все больше осознавала себя как «пустой сосуд».

Пустой сосуд, голод и жажда – и это не какое-то там невезение! Я начинаю день с просьбы только потому, что признаю себя пустым сосудом. Но, если мы считаем это невезением, а не чем-то, что подталкивает нас искать и просить Его: «Приди», – как это делают дети, тогда мы слышим подобные свидетельства и говорим: «Ну нет, я-то взрослый человек!» Болван я, а не взрослый. Болван в том смысле, что не отдаю себе отчет в том, кем я являюсь. Это не оскорбление, это описание человека, не сознающего, что значит быть человеком с его безмерным желанием, не сознающего в полной мере, кто в действительности он такой.

И я ищу, ищу в текстах, которые мне предлагается читать, ищу на школе общины и особенно в каждом часе моего обычного дня, в том, как они проходят. Я старалась глубже заглянуть в себя и просила о том, чтобы пережить подлинный опыт Его присутствия. В результате случилось множество событий.

«В результате случилось множество событий». У нее такие же возможности, что и у остальных, у нее нет прямой связи со Святым Духом, нет какого-то секретного текста, у нее на руках все тоже, что и у остальных. Видите, в чем разница?

Один из моих старших сыновей поехал на пасхальное триденствие для старшеклассников и вернулся с брошюрой, которую я позаимствовала у него на один вечер. С изумлением я прочитала ее, и меня все в ней поразило, а особенно одна фраза отца Джуссани, в которой говорилось: «Симон никогда уже не забудет, как пристально Христос смотрел на него, когда он оказался там, в трех-четыре метрах от Него! Он сказал: никто никогда не смотрел на меня так!» И я тоже хочу замечать, что кто-то смотрит на меня так!

«И я тоже хочу замечать, что кто-то смотрит на меня так!» Она в изумлении останавливается на каждой фразе, которую читает, на каждой мысли. Мы же проезжаем по ним как на бронемашине, даже глазом не моргнув, и все становится формальным. Когда же человек начинает исходить из сознания о себе как о пустом сосуде, для него такой взгляд на него уже не является чем-то само собой разумеющимся, не самоочевиден тот факт, что в истории существует подобный взгляд.

На упражнениях меня поразило все.

Все. Простите, не то что я хочу перебивать на каждой фразе. Просто, когда я вижу, что среди нас есть люди, обладающие такой простотой, я понимаю, что это благо для всех. Она не заканчивала специальных курсов в Гарварде, ее сознание о самой себе позволяет ей улавливать то, что есть у всех нас.

Ты сказал нам тогда, как отец Джуссани точно описывал «частный случай... [который есть] краеугольный камень христианского представления о человеке, о его моральных принципах в отношениях с Богом, с жизнью, с миром» и потом говорил: «Если бы я не встретил определенных людей... Христос для меня остался бы всего лишь словом, предметом богословских рассуждений». И ты подчеркивал, что нельзя обойтись без Факта, без исторического, воплощенного присутствия Христа, которое становится познаваемым на опыте в рамках Церкви. Потом была твоя майская школа общины и чтение отрывка про Безыменного. «“Вы вернетесь, не правда ли?” – “Вернусь ли я? – отвечал Безыменный. – Да если бы вы прогнали меня, я, как нищий, упорно стоял бы у ваших дверей. Я должен говорить с вами, слышать, видеть вас! Вы мне необходимы!”» Во всем этом мне словно был предложен способ, единственный в своем роде и полностью правомерный, пережить опыт Христа. Глядя на весь опыт, который я переживаю с друзьями, я признала, что Церковь действительно есть Тело Христово. После той школы общины я вновь обратилась к Иисусу с моим желанием пережить опыт Его присутствия, и эта просьба обрела совершенно новый вкус. Вопрос остался, но изменилась его постановка. Я словно спрашивала: где, сегодня, здесь и сейчас, через кого Ты хочешь явить, Ты явишь мне Свой лик, о Иисусе? Какой безмерный дар – компания моих друзей, не ограниченная лишь теми моментами, когда я с ними, но проникающая во все непростые дни моей жизни! С каким же новым вкусом я встречаю каждого человека и как мне открываются в нем бесконечные возможности увидеть Тебя, Господи! Так признавать Христа стало легко, особенно если нам дарована благодать быть поправленными, как это часто случается со мной. Иисус поправляет меня через друзей, позволяет мне заметить соответствие, указывает почти сразу верный путь, именно мой путь. Особенно, когда путь этот – путь жертвы. Последние месяцы стали пробуждением, переустройством моей личности. Как-то утром за завтраком я стала обсуждать с одним человеком один личный и болезненный вопрос. Слова, поведение и рассуждения этого человека еще несколько месяцев назад сразу же спровоцировали бы во мне резкую реакцию. Без всякого сомнения, я бы грубо оборвала дискуссию. Но в то утро во мне на миг воцарилось молчание, и почти против моей воли я вдруг представила себе моего большого друга, то, как он закрывает глаза, когда на него кричат, словно переступая за пределы своей инстинктивности, как он, заботясь о благе другого человека и продолжая рассуждать,

обращается к тому прекрасному, что Бог заложил в сердце каждого. Я поступила так же, и этот мой друг стал словно таким спуском, которым Иисус воспользовался, чтобы явить Себя мне. А потом ты приехал к нам в Лекко, и я никак не могла уйти домой, потому что была охвачена изумлением. Так же было и после школы общины 24 мая, на которой ты говорил о Безыменном и Федерико. Со мной случилось то же самое. Я ощутила неотложную нужду в том, чтобы поблагодарить тебя. Все поразило меня. Каждое твое слово было для нас. Я хотела сказать тебе и о то, как изумила меня невероятная близость, которую ты внес в отношения между нами в тот вечер, она читалась на твоём лице, в твоей улыбке, слышалась в интонациях твоего голоса, а особенно ее можно было заметить в том, как ты помогал нам после каждого выступления доходить до самой сути наших рассказов, до самых истоков. «В ком мы сегодня нуждаемся?» Так родилось желание следовать, которое является послушанием, а вместе с ним – огромное желание вместе с друзьями взяться за работу, чтобы вернуться ко всему, что было сказано в тот вечер. Надеюсь, что у нас еще будет возможность встретиться таким близким образом.

Обязательно будет. Мне нечего добавить к тому, что мы сейчас услышали. Достаточно вернуться к этому, перечитывая текст школы общины. Когда Господь с простотой, какую ты описала, дает нам возможность видеть взрослых, подобных детям, которых поражает и изумляет все (начиная с самых элементарных вещей), мы понимаем, что такое любому по силам. Нищета Безыменного – та же самая нищета, из-за которой я попросил приехать тебя из твоего города (хотя у тебя куча забот: восемь детей, больной муж и т. д.). Мной двигало желание вновь услышать тебя и разделить твое свидетельство с другими. Именно так Тайна начинает присутствовать среди нас, пользуясь тем, что происходит на наших глазах. Происходящее всех нас сейчас сдвинуло с нашей позиции. И это благо для нас. Чтобы замечать Его, нужен путь, который мы продолжим его, читая до конца июля первую лекцию и некоторые вопросы собрания. Из этих текстов будет видно, что, лишь пробуждаясь и вновь становясь нищими, как просит нас папа, мы можем по-настоящему изумляться происходящему, подобно Иоанну и Андрею, подобно Богородице, подобно пастухам, и ничего не считать само собой разумеющимся. В августе и сентябре мы обратимся ко второй лекции и к остальным вопросам собрания.

Каникулы общины. В качестве темы мы предлагаем следующие вопросы: «По-прежнему ли спасение интересует меня? Благодаря чему ты это понимаешь, где замечаешь это в твоём собственном опыте или в опыте людей из общины?» Подумайте только, каким может стать лето, если мы будем иметь в виду эти вопросы! Тема спасения уже поднималась на упражнениях Братства, именно этого касались многочисленные ваши вопросы: «Что такое спасение?» Значит, мы, христиане, принадлежащие Движению, еще не знаем, что это такое. И пойдем мы это не из лекций. Как говорилось в первом письме, которое я прочитал сегодня, можно понимать ответ формально, но не на экзистенциальном уровне. И потому летом надо быть особенно внимательными и постоянно спрашивать себя, где мы замечаем спасение, как оно проявляется, какими чертами обладает, как я понимаю, что оно приходит. Тогда мы сможем ответить, интересует ли оно нас. Это не проблема дискуссий и истолкований. Можно делать, что угодно, но текст на радость заставляет нас вновь вопрошать, где же спасение. Где *Evangelii gaudium*, радость Евангелия, радость, приносимая Христом? Радость – знак спасения. Пусть «предположение о смысле», о котором сегодня говорила наша подруга, ляжет в основу летней работы. Будем внимательны, чтобы заметить, где происходят спасение, знаком, которого является радость.

Митинг в Римини пройдет с 20 по 26 августа. Тема этого года: «Чтобы обладать наследием отцов, вновь заслужить его». Как видите, оно более чем подходит нам. Не обретая заново то, что нам было дано, мы все теряем. Напоминаю: каждый может участвовать в созидании Митинга, приехав хотя бы на один день или же работая волонтером.

Veni Sancte Spiritus

Хорошего всем лета.